

Доктор Джим Шпигель, Философия религии, Сессия 14, Теизм и наука

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс Шпигель в своем учении о философии религии. Это сессия 14, Теизм и наука.

Один из спорных вопросов нашего времени касается взаимоотношений науки и религии.

Является ли наука угрозой религии? Могут ли религиозные убеждения быть согласованы с научным знанием? Как мы отметили в случае с новыми атеистами, это один из их главных аргументов: что каким-то образом теистическая вера или любая религиозная ориентация находится в конфликте с наукой и что человек, который действительно рационален, строгий мыслитель, будет избегать религиозной веры, любого рода веры в отношении духовной сферы и верить только в материальную вселенную и только в достижения науки, чтобы получить нам все имеющиеся у нас знания. Итак, давайте рассмотрим этот вопрос. Является ли наука угрозой религии, в частности теизму? Могут ли религиозные убеждения быть согласованы с научным знанием? Теперь есть несколько проблемных точек зрения, которые мы можем отметить с самого начала.

Мы уже говорили о сциентизме или позитивизме, взгляде, что все знания должны приходить через науку или что все знания, если это знания, должны быть по крайней мере подтверждаемы или проверяемы научно. Если утверждение не может быть доказано научно, то есть эмпирическим путем, то оно вообще не может быть доказано. Это сциентизм или позитивизм.

Мы уже отметили, что этот взгляд сам по себе проблематичен, поскольку не удовлетворяет своим собственным требованиям. Он сам себя опровергает. Тезис сциентизма нельзя доказать научно.

Это не то, что можно подтвердить эмпирически, поэтому оно не соответствует своему собственному требованию. Вторая проблемная точка зрения — это менталитет Бога пробелов, точка зрения, согласно которой религия стремится объяснить то, что наука объяснить не может. Теология заполняет пробелы, которые остаются после научного объяснения.

Основная проблема этого подхода заключается в том, что он предполагает, что нечто не может иметь как научного, так и теологического объяснения. Итак,

давайте рассмотрим некоторые модели науки и теологии. Как нам следует понимать отношения между наукой и теологией? Вот три модели, которые можно найти в контексте этого обсуждения.

Один из них — тезис о конфликте, который гласит, что наука и религия по своей сути противоположны друг другу и что нужно выбирать, быть ли ученым или религиозным. Нельзя быть и тем, и другим. Здесь есть своего рода внутренний конфликт.

В защиту этой идеи люди часто ссылаются на определенные события в истории науки, где был конфликт между религией и наукой или церковью и наукой, как в споре Галилея. Спор в ранний современный период о том, действительно ли Земля движется и вращается вокруг Солнца, в отличие от Солнца и других планет, вращающихся вокруг Земли. Геоцентристы против гелиоцентристов и те, кто в церкви на стороне религии, отдавали предпочтение геоцентрической точке зрения.

Между тем, идея Коперника, защищаемая Галилеем, была взглядом, который бросил вызов геоцентрическому взгляду, и наука победила. Галилей и гелиоцентристы оказались правы, и это просто показывает, что мы не можем доверять церкви или теологии в этих вопросах. Или в случае дарвинизма и появления эволюционной теории в 19 веке, это часто цитируется как важный исторический урок, что здесь есть базовый конфликт.

Не только конфликт, но, по крайней мере, для тех, кто находится на религиозной скептической стороне, вы всегда должны идти на стороне науки, когда есть такой конфликт. Затем есть те, кто также является людьми веры, которые подтвердили бы этот тезис о конфликте, но сказали бы, что мы всегда должны идти на стороне религии или теологии, а не науки. Но есть ли в этом вопросе неотъемлемый конфликт, и где конфликт в той степени, в которой теология и наука иногда конфликтуют?

Просто потому, что научные теории иногда конфликтуют с теологическими обязательствами, из этого не следует, что истина мира противоречит библейской истине. В обоих случаях мы пытаемся интерпретировать набор данных и разрабатываем теории всех видов, иногда научные, иногда теологические. И если наши теории иногда вступают в конфликт, это не обязательно означает, что существует конфликт между миром, тем, каков мир, и тем, чему на самом деле учат писания.

Мы поговорим об этом подробнее через минуту. Другая модель для рассмотрения взаимоотношений между наукой и теологией — это то, что можно назвать тезисом независимости, который гласит, что наука и теология относятся к двум отдельным сферам. Наука исследует естественный порядок, а

теология занимается сверхъестественным, духовным и моральным, поэтому они никогда не могут вступить в конфликт.

Стивен Джей Гулд, давний палеонтолог Гарварда, предложил версию этого, идею непересекающейся магистерии, что у науки есть свои заботы, а у религии и теологии есть другие заботы, и поэтому они на самом деле никогда не могут конфликтовать. Проблема, однако, в том, что есть некоторые вопросы, которые исследуют и наука, и теология, и мы можем достаточно ясно видеть это в Священном Писании. Библия говорит об определенных вопросах, касающихся космического происхождения, человеческой природы, происхождения видов и идеи всемирного катастрофического потопа.

В истории есть всевозможные события, на которые ссылаются и описывают писания, которые должным образом подлежат научному исследованию. Так что здесь есть некоторое совпадение, поэтому идея Гулда о непересекающихся магистериях не учитывает это. Третья модель, которую я бы поддержал и которую, как я думаю, поддержали бы большинство христианских философов науки, — это интерактивная модель, которая гласит, что наука и теология — это интерактивные подходы к одной и той же реальности.

Иногда они делают конкурирующие заявления, и в этом случае, что нам делать? Что ж, нам нужно более внимательно рассмотреть теории, которые вовлечены с обеих сторон, и посмотреть, где одна может исправить другую. Итак, вот как я бы представил эту идею интерактивного подхода к науке и теологии. На уровне конфликта, на уровне теории, есть некоторый конфликт.

Научная теория — это своего рода интерпретация некоторого измерения физического мира, говорим ли мы о биологии, химии или физике. А теология интерпретирует и пытается систематизировать писание. В обоих случаях вы имеете более абстрактные, общие утверждения, сделанные для того, чтобы попытаться организовать и упорядочить данные.

Но это, опять же, все на теоретическом уровне. Когда мы говорим о реальных фактах или истинах физического мира и фактах или истинах Библии, идея здесь в том, что нет никакого реального конфликта. Опять же, конфликт возникает на уровне теории, когда мы пытаемся интерпретировать факты или истины или данные Писания с одной стороны, и физический мир с другой.

Итак, возникает вопрос, как мы узнаем, какая теоретическая интерпретация должна исправить другую в случае конкретного конфликта? Если моя научная теория и моя теология противоречат друг другу, то возникает своего рода конфликт: теология должна исправить науку или наука должна исправить теологию? Ну, тут нам нужно подходить к каждому случаю индивидуально, рассматривать все факты, которые мы знаем или, как нам кажется, знаем, и

быть осмотрительными в отношении теоретических выводов, которые мы делаем в каждом случае. И быть открытыми для исправлений с любой стороны. Может быть, в моей теологии есть что-то проблемное, что выявляет научное исследование.

Или, может быть, наоборот. В моей научной теории есть что-то проблемное, что раскрывает моя теология. Так что суть в том, что одно может исправить другое.

И это то, что делает его интерактивным. Это признание того, что наука и теология иногда имеют дело с одними и теми же проблемами. Они привносят разные методологические подходы к одним и тем же проблемам и готовы, чтобы один из них корректировал другого.

Или, возможно, указать нам совершенно новое направление для разработки совершенно иной теологической парадигмы или научной парадигмы. Говоря о парадигмах, давайте рассмотрим некоторые уроки Томаса Куна, который был очень влиятельным философом науки в конце 20-го века. В начале 60-х он опубликовал свою эпохальную книгу «Структура научных революций», в которой Кун критикует популярные предположения о природе науки.

И некоторые из них имеют отношение к вопросу о взаимоотношениях науки и религии. Итак, вот два важных урока от Куна, которые были весьма спорными в то время. Один из них заключается в том, что научное исследование не является нейтральным.

Что все наблюдения, как он говорит, нагружены теорией. Наше восприятие мира окрашено нашими теориями о мире. Мир, который мы видим, или явления, которые мы наблюдаем в мире, будь то биологические, химические, физические или какие-либо еще, мир, который мы видим, всегда интерпретируется парадигмой.

Парадигма — это просто своего рода теоретическая модель, которая разрабатывается в определенной области. Итак, рассмотрим теории Птолемея в противовес теориям Коперника о природе Земли: геоцентрические и гелиоцентрические взгляды.

Является ли Земля центром Вселенной или Земля является одной из многих планет, вращающихся вокруг Солнца? Когда геоцентрист выходит и смотрит на Солнце и идет по небу, он, кажется, видит прямое доказательство своей точки зрения. Он видит мир с точки зрения своей геоцентрической парадигмы. В то время как когда гелиоцентрист или гелиоцентрист наблюдает те же явления, он говорит, ну, мы косвенно видим вращение Земли вокруг своей оси.

Вот почему кажется, что Солнце вращается вокруг Земли. И так, они смотрят на те же данные или у них похожий опыт, но они видят явления, они переживают явления через свою собственную интерпретационную структуру или парадигму. Другой пример или иллюстрация: скажем, креационист и макроэволюционист идут в один и тот же зоопарк, и креационист говорит: «Ух ты, посмотрите на всех этих разных животных, которых создал Бог».

Это удивительно. А потом, скажем, дарвинист идет в тот же зоопарк, видит тех же животных и делает из этого вывод: «Ого, разве это не удивительно?» Что может произвести естественный отбор на протяжении эонов времени со всеми видами случайных мутаций?

Итак, креационист и дарвинист смотрят на одних и тех же животных, но они, в некотором смысле, видят вещи по-разному, потому что они смотрят через разные теоретические рамки или парадигмы. Кун использует иллюстрацию утки-кролика, которая является изображением, которое можно рассматривать как утку или как кролика, но не как то и другое одновременно. Вы можете переключаться между ними.

И если бы вы сказали кому-то, эй, я собираюсь показать вам изображение кролика, до того, как вы поместите это на экран, они бы с большей вероятностью увидели в нем кролика, чем утку. Если бы вы сказали им заранее, я собираюсь показать вам утку, они бы с большей вероятностью увидели в нем утку, чем кролика. Итак, предубеждения, которые мы привносим в изображение утки-кролика, являются хорошей аналогией тому, о чем говорит здесь Кун.

Мы всегда воспринимаем мир через определенные теоретические линзы. И это справедливо для ученых, может быть, даже больше, чем для других. Просто в человеческой природе интерпретировать через теоретические сетки.

Другой момент или урок Куна заключается в том, что научные теории недоопределены данными. Множество различных теорий могут последовательно объяснять одни и те же явления. Теории выбираются из-за их объяснительной силы, таких вещей, как их общее соответствие, элегантность, красота и т. д.

Но они не выведены строго. Научные теории не просто выводятся из данных. Всегда есть своего рода, по сути, скачок воображения, который в истории науки иногда принимает очень юмористические и драматические формы.

Парень, который придумал химическую конфигурацию, трехмерную ориентацию для химического бензола, парень по имени Кекуле, пытался понять, как это может работать. Он делал всевозможные диаграммы, чтобы

попытаться понять, как это может быть, что у вас может быть этот химический бензол с определенным числом молекул углерода и водорода. Как это работает? Я думаю, что его химическая формула C_6H_6 .

Но не получилось. Это просто прямая цепочка. И вот однажды он задремал у огня.

Вы попадаете в своего рода состояние сна, когда вы отключаетесь еще до того, как полностью потеряете сознание. Он представлял или видел во сне змею в огне, которая кусает свой собственный хвост, создавая кольцо. Он думал о бензоле и сказал, может, это оно.

Он сел и набросал. Конечно, это объяснение. Это как бензол — это кольцо с чередующимися двойными связями.

Это было решение его проблемы, которое произошло совершенно случайным, хаотичным образом. Радиология родилась таким же счастливым, случайным образом. Всевозможные научные открытия были достигнуты не совсем рациональными способами.

Это уже крайность, я полагаю. В большинстве случаев это необычно случайные вещи. Но даже в случае, когда ученый рационально действует, более систематически действует, разрабатывая теорию, это не просто прямой вывод из данных.

Всегда есть творческий шаг. Когда теории разрабатываются, они всегда являются конкурирующими теориями, которые также объясняют одни и те же данные. Но вопрос в том, какая из них объясняет данные лучше всего? У вас есть эти, по сути, эстетические качества, которые принимаются во внимание, например, элегантность.

Какая теория объясняет данные наиболее простым способом? Некоторые теории, можно сказать, красивее других. Эйнштейн часто подчеркивал это. Если есть великая, единая теория, которая объединяет все эмпирические науки очень эффективным, элегантным способом, она будет известна своей красотой.

Это будет иметь своего рода эстетическое совершенство. Есть также это измерение научного теоретизирования. А как насчет предположений, которые мы делаем, занимаясь наукой? Это также нужно учитывать.

Предположения науки. Одно из предположений, которое делают ученые, потому что его делают все, это то, что называется общей надежностью чувственного восприятия. Вы не можете научно доказать, что все ваши чувства

надежны, не предположив изначально определенную надежность ваших чувств.

Вы можете пойти к окулисту или врачу-отоларингологу. Вы можете проверить уши и слух. Но даже когда вы идете к такому специалисту для оценки своих чувств, вы уже предполагаете общую надежность своих чувств.

Так что это фундаментальное предположение, которое мы должны сделать. Это своего рода философский догмат веры, который даже самый строгий ученый должен принять, чтобы предположить, что чувства надежны. Это своего рода обязательство веры.

Закон причинности гласит, что каждое следствие должно иметь причину. Опять же, обязательство веры. Мы начинаем с предположения, что следствия имеют причины.

Что природа едина и что законы природы останутся неизменными. Что будущее будет похоже на прошлое.

Законы логики надежны и заслуживают доверия; это все предположения, которые мы должны делать, занимаясь наукой и всем остальным. Так что это еще одна причина, по которой наука не может доказать все.

Почему сциентизм должен быть ложным. Потому что есть определенные предположения, которые должны быть сделаны даже для того, чтобы начать заниматься наукой, которые предшествуют занятиям наукой. Так что все это должно быть смиряющим с точки зрения нашего взгляда на науку.

Это не подрывает авторитет, силу или значимость науки, которая имеет исключительные достижения, особенно в области медицины, транспорта и коммуникаций. Удивительно, что можно сесть на коммерческий самолет и долететь из Нью-Йорка в Калифорнию всего за несколько часов. Что мы можем делать операции так же эффективно, как и операции на мозге, и лечить всевозможные болезни.

Но при всем при этом наука имеет свои пределы. И это метод, столь же мощный и эффективный, как и он сам, который также зависит от определенных религиозных обязательств, таких как эти предпосылки науки, даже если они являются скорее философскими догматами веры, чем теологическими убеждениями.

Давайте теперь обратимся к некоторым вопросам, связанным с научной методологией. При проведении научных исследований можем ли мы принимать во внимание теологические соображения? Уместно ли это? И то, как

человек ответит на этот вопрос, определит его точку зрения по ряду вопросов, включая спор о происхождении. Итак, есть два вида натурализма, которые мы должны здесь различать.

Один из них называется метафизическим натурализмом, который представляет собой точку зрения, что существует только физический мир. Что нет никаких сверхъестественных существ, нет Бога, нет ангелов, нет нематериальных человеческих душ. Другой вид натурализма — просто методологический.

Методологический натурализм — это точка зрения, согласно которой научные описания мира должны полностью относиться к естественным явлениям без каких-либо ссылок на сверхъестественных агентов. Существует ряд современных методологических натуралистов, которые сильны в своей вере и теистической или даже христианской приверженности, но подчеркивают своего рода методологический натурализм таким образом, что мы должны ограничивать наши объяснения событий в физическом мире сферой материальных причин.

И что обращение к сверхъестественным агентам для объяснения таких событий, как видообразование или человеческое сознание, является отказом; это отказ от научного обязательства обращаться к человеческой душе или обращаться к особому божественному творению. Таков подход методологического натуралиста. Легко спутать эти две формы натурализма.

Многих методологических натуралистов обвиняют в том, что они скрытые или непреднамеренные метафизические натуралисты. Но опять же, кто-то может быть набожным христианином и при этом быть методологическим натуралистом, верящим в Бога, ангелов и человеческие души и продолжающим настаивать на том, что все наши научные исследования должны руководствоваться этим принципом. Так что методологический натурализм не подразумевает метафизический натурализм.

Итак, снова, христианин или любой другой теист может последовательно утверждать методологический натурализм. Но является ли методологический натурализм лучшей точкой зрения для христианина или другого теиста? Вот аргументы в пользу методологического натурализма. Один из них апеллирует к природе науки.

Там говорится, что смысл науки — объяснять естественные явления с помощью других естественных явлений. Так что обращение к сверхъестественным сущностям — это обман. У меня был разговор с бывшим студентом, который получил докторскую степень по философии науки в крупном исследовательском университете.

И он сильный методологический натуралист. Так вот, мы говорили об этом. Когда он объяснял мне свою точку зрения, он сказал: «Я смотрю на это так: человек, который апеллирует к сверхъестественным причинам, чтобы объяснить, скажем, видообразование или даже человеческое сознание, подобен человеку, который играет в футбол и выбегает за пределы поля, скажем, на 15-ярдовую линию, а затем оказывается у кулеров с водой, а его товарищи по команде оказываются на боковой линии, а затем снова оказываются в пределах поля на другом конце поля».

10-ярдовая линия идет в конечную зону и говорит: "Я забил. Это мошенничество. Ты выходишь за пределы поля".

Природа науки такова, что мы всегда должны искать естественные, а не сверхъестественные причины событий. Мой ответ ему, когда он привел мне эту аналогию, был таким: разве это не предвзятость? Он называет это обманом, но кто сказал? По чьему авторитету мы можем быть уверены, что никогда не будет нормально делать вывод о возникновении какого-то сверхъестественного вмешательства, какой-то сверхъестественной причины? Кто сказал, что ненаучно делать вывод о том, что человеческое сознание объясняется духом или душой, которые есть у людей? И он не смог дать мне действительно хорошего ответа на этот вопрос, кроме как сказать, что вот как наука делается в наши дни, по крайней мере, преимущественно. Однако в современную эпоху, определенно в ранний современный период, это не рассматривалось таким образом.

Отцы современной науки почти все были теистами, многие из них были христианами, и они считали такую интеграцию своей теологии с наукой, которой они занимались, совершенно естественной и уместной. Так что, возможно, это преобладающий подход сейчас, определенно в научной гильдии в западной цивилизации, эта очень сильная презумпция в пользу методологического натурализма. Но только потому, что мы сейчас находимся в этой точке истории науки, следует ли из этого, что это абсолютно нормативно для занятия наукой? Другой аргумент в пользу методологического натурализма апеллирует к концепции функциональной целостности.

Говард Ван Тил и другие апеллировали к этой концепции, говоря, что Бог создал физический мир самодостаточным и способным функционировать самостоятельно посредством того, что мы называем законами природы. Поэтому нам не нужно апеллировать к каким-либо сверхъестественным агентам, чтобы объяснить любые явления, с которыми мы сталкиваемся. Пара моментов по этому поводу: это апеллирует к функциональной целостности.

Немного иронично, что для оправдания этого методологического натуралистического подхода Ван Тиль и другие явно полагаются на

определенные теологические соображения. Он также неправильно понимает законы природы, как будто законы природы являются сущностями, которые действительно могут объяснить что угодно. Законы природы являются описаниями рутинных или регулярных явлений, которые, в свою очередь, нуждаются в собственном объяснении.

Почему существует закон обратных квадратов? Почему существуют сильные и слабые ядерные силы? Почему существуют эти законы термодинамики? Это требует объяснения. Итак, законы природы не дают никакого причинного объяснения. Они сами нуждаются в объяснении.

Итак, вот некоторые аргументы в пользу методологического натурализма и некоторые проблемы с каждым из них. Альтернативой методологическому натурализму является то, что называется теистической наукой. И это альтернативный подход, пропагандируемый такими людьми, как Элвин Плантинга и другими, кто участвует в движении разумного замысла.

Теистическая наука учитывает теологические соображения при занятиях наукой. И с этой точки зрения нормально проводить научные исследования в свете всего остального, что известно, включая теологические истины. Я думаю, стоит отметить, что другие дисциплины открыты для вклада науки и других дисциплин.

Это разумно. В академии мы ценим и уважаем междисциплинарные подходы. Почему наука должна быть исключением из этого? Как философ, я хочу получать вклад от истории и науки, социальных наук, литературной критики и так далее.

Историки хотят получать информацию от науки, философии и т. д. Теологи хотят получать информацию от всех этих других областей. Почему бы ученым не быть открытыми для информации от всех этих других областей, включая теологию? Теория разумного замысла, опять же, была бы примером теистической науки.

Теория разумного замысла работает с проблемами как неживой природы, говоря о тонкой настройке космоса, так и о живой сфере и биологических системах. С этой точки зрения, доказательства замысла могут правильно привести нас к выводу о сверхъестественной причине, говорим ли мы, опять же, о происхождении видов или человеческого сознания или о происхождении Вселенной. В контексте биологии и живых систем существует эта концепция неснижаемой сложности, которая была предметом многочисленных споров, но на которую теоретик разумного замысла часто будет ссылаться как на доказательство сверхъестественной причинности или объяснения.

Для структуры или функции, которая такова, что нет более простых систем-предшественников, которые могли бы ее породить. У вас есть, в биологической

сфере, эти неприводимые сложные круги необходимости, например, ДНК для производства информационной РНК, которая необходима для производства ДНК. Как этот чрезвычайно сложный цикл или круг биологической функции начал работать изначально? Это неприводимая сложность.

В заключение я хочу сказать несколько слов о мыслях Элвина Плантинги о науке и религии. Его потрясающая книга, написанная около 10 лет назад, называется *Where the Conflict Really Lies*. Это, возможно, лучшая книга, которую я когда-либо читал на тему науки и религии.

Его тезис в этой книге заключается в том, что существует поверхностный конфликт, но глубокое согласие между наукой и теистической религией, но поверхностное согласие и глубокий конфликт между наукой и натурализмом. Так в чем же источник конфликта между наукой и натурализмом? Обычно мы связываем эти два понятия. Мы думаем, что, ну, если кто-то является строгим ученым, из-за этого он может поддаться искушению натурализма, потому что эти две вещи, как правило, хорошо сочетаются.

Плантинга утверждает, что нет, на самом деле, здесь есть глубокий конфликт. Они не очень хорошо сочетаются друг с другом. Во-первых, это, вероятно, его главный аргумент: натурализм с трудом объясняет это базовое предположение науки, что наши когнитивные способности надежны для исследования, что мысль отражает реальность и что наши когнитивные способности, как правило, производят больше истинных убеждений, чем ложных.

На самом деле, они как бы заточены таким образом. Они нацелены на создание истинных убеждений. Это предположение, которое делаем мы все, не только ученые.

Но Плантинга отметил, что это проблематично для натуралиста, потому что если вы натуралист, вы должны быть дарвинистом. Это единственная игра в городе, которая объясняет все различные свойства и характеристики всех живых организмов, включая людей. Так что, если мои когнитивные способности и все остальное во мне являются продуктом естественного отбора, вытекающего из случайных мутаций на протяжении эонов времени, то даже если это создало своего рода приспособляемость моего вида к окружающей среде, для меня очень полезно иметь когнитивные способности, которые у меня есть.

Это не гарантирует, что мое познание направлено на истину. Где во всей этой дарвинистской истории вы можете получить хоть какую-то уверенность в том, что наши познавательные способности направлены на то, чтобы производить истинные убеждения? Самое большее, что вы из этого получаете, это то, что наше познание эффективно для выживания. Однако есть много ложных убеждений, которые могут иметь большую ценность для выживания.

Один пример: предположим, что по какой-то причине у меня развилось ложное убеждение, что если я не выплачу ипотеку за свой дом к 50 годам, меня поймут и посадят в тюрьму. Это нелепое убеждение. Но предположим, что я сформирую это убеждение, когда мне будет, скажем, около 30 лет.

Я гарантирую вам, что к 50 годам я выплачу за свой дом. У меня больше не будет ипотечных долгов. Это пойдет мне на пользу.

Это принесет пользу любому. Ложное убеждение может иметь большую ценность для выживания. Оно может быть очень адаптивным.

Мы можем придумать множество других примеров. То, что у меня есть эти познавательные способности, которые очень полезны с практической точки зрения, не означает, что они направлены на истину. Но это очень важное предположение для науки, что наши убеждения, которые наши познавательные способности склонны производить, направлены на производство истинных убеждений.

Теизм может объяснить это. Натурализм не дает нам такой уверенности, а теизм дает, потому что теист верит, что Бог создал людей по своему образу и подобию, и что Бог был бы заинтересован в том, чтобы дать нам познавательные способности, которые приобретают истину и направлены на создание истинных убеждений.

Так что это было бы главным источником согласия между наукой и теизмом, что эта вера в то, что, или факт, что теистическая религия объясняет нашу веру в то, что человеческое познание направлено на истину. Также, единообразии природы. Это предположение, которое ученые делают во все времена, но что натурализм не может придать смысл какой-либо уверенности в том, что законы природы останутся неизменными с течением времени.

Но у теиста есть простое объяснение этому. Бог устроил мир таким образом, что эти законы природы останутся постоянными и надежными с течением времени, надежными для занятий наукой, чтобы мы могли делать прогнозы о будущих явлениях, что необходимо для практики науки. И, наконец, эффективность математики в понимании физического мира, которая является абсолютной загадкой для натуралиста, как получается, что все эти очень сложные вычисления, которые делают физики, так хорошо отображаются в мире, что когда вы делаете вычисления, вы можете быть уверены, что когда вы проводите эксперимент, он получится именно таким, как вы предсказали.

Альберт Эйнштейн предсказал, что свет от далеких звезд будет подвергаться воздействию гравитационного притяжения Солнца, когда он проходит мимо

Солнца, как часть его теории относительности. И когда это было проверено с помощью солнечного затмения в августе 1919 года где-то в Южной Америке, Эйнштейн даже не потрудился совершить поездку туда. И когда его теория подтвердилась, один из его ассистентов пришел в его лабораторию и сказал: Доктор Эйнштейн, ваша теория подтвердилась, ваша теория подтвердилась.

Как вы и предсказывали, сообщалось, что Эйнштейн даже не поднял глаз. Он просто продолжал записывать какие-то заметки, которые делал в своей лаборатории. И его единственным ответом было: «О, я знал, что так и было».

Математика это доказала. Так что он был уверен только из математики, что это очень спорное утверждение о физическом мире было верным. И это только один пример.

Каждый день по всему миру ученые делают прогнозы, основанные на математических расчетах, а мы просто принимаем это как должное. Даже при изготовлении книжных полок или при ремонте дома, всякий раз, когда я занимаюсь столярными работами или чем-то еще, я вспоминаю этот факт. Я делаю математические расчеты, и, конечно же, если я делаю это тщательно, то предмет, который я создаю, буфет, который я создаю, или книжные полки, которые я делаю, получаются такими, какими я их себе представлял, потому что мысль отражает реальность в математической сфере.

Как вы это объясните? Ну, у теиста есть объяснение, и оно заключается в том, что Бог создал мир таким образом, и он подогнал человеческий разум и человеческое познание к миру таким образом, что мы можем быть уверены, что мысль отражает реальность. Теперь, нам нужно быть очень осторожными, прилежными и строгими в том, как мы делаем нашу математику и остальное наше мышление, но так устроен мир. Это потому, что Бог создал его таким образом.

У натуралиста нет объяснений ни по этому поводу, ни по любым другим вопросам. Так что, я думаю, что это действительно хорошие замечания, которые делает Плантинга относительно глубокого согласия между наукой и религией, в частности теизмом, а также глубокого конфликта между натурализмом и наукой. Итак, на этом заканчивается наша дискуссия о науке и религии.

Это доктор Джеймс Шпигель в своем учении о философии религии. Это сессия 14, Теизм и наука.